

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОИХ УЧИТЕЛЯХ

Е.М. Русинов – переводчик I категории

Внимая мастеру

Когда в 1968 г. инженер ОНТИ института «Гипрорыбфлот» Михаил Моисеевич Сехович предложил мне, начинающему переводчику, принять участие в составлении датско-русского словаря терминов по промышленному судостроению, я с легкостью согласился, не подозревая, насколько сложна эта задача. Казалось, все очень просто — выписывая слова на карточки да расставляя их по алфавиту. Однако довольно скоро этот седой невысокий человек с тихим голосом очень мягко, интеллигентно, но твердо дал мне понять, что легкой эта работа не будет. Он заставлял меня многократно уточнять, шлифовать перевод отдельных терминов и целых фраз, добиваясь точности, как он выражался, адекватности. Столь же требователен был Михаил Моисеевич и при отборе терминов. Это мне показалось занудством, буквоедством, и

только позднее я смог по достоинству оценить, какого великолепного учителя я нашел в его лице. И в том, что словарь получился, огромная заслуга Михаила Моисеевича, а я, благодаря ему, навсегда «заболел» лексикографией и понял, насколько важна, сложна, интересна и полезна эта работа. Инженер-судостроитель М.М. Сехович был разносторонне образованным человеком, истинным интеллигентом. Не знаю, сколько всего языков он знал, но точно помню, что немецким, французским, польским и болгарским владел прекрасно и часто цитировал стихи немецких, французских и польских поэтов в оригинале.

В процессе работы над датским словарем я смог узнать Михаила Моисеевича поближе, и когда в 1976 г. пришел работать в Гипрорыбфлот, то оказалось, что из всего большого коллектива ОНТИ я знал только Евгению Эдуардовну Львову, с которой познакомился, еще работая в НИКИМРП, и Михаила Моисеевича Сеховича. Поэтому именно к нему я стал обращаться за помощью, осваивая сложную флотскую тематику и терминологию. Помню, как однажды Михаил Моисеевич поручил мне проверить чей-то «внешний» перевод с норвежского (я тогда еще не переводил

флотские тексты, а занимался только тематикой НИО). Просмотрев перевод, я нашел там несколько неточностей и заодно «исправил» «стойчивость» на «устойчивость», что, разумеется, вызвало улыбки, а кое у кого и откровенный смех. Михаил Моисеевич очень доброжелательно заметил, что с судовой терминологией я знаком еще недостаточно, а вот по обработке рыбы вполне могу дать фору даже гипорыбфлотовским «старичкам». Бывало, когда фраза никак не «переводилась», а тематика была незнакомая, Михаил Моисеевич учил меня переводить, «грамматически», т. е. искать подлежащее, сказуемое, второстепенные члены предложения и т. д. И в то время такой метод нередко выручал меня.

Другой мой учитель — Георгий Михайлович Герасимов — живой, энергичный, громогласный, бывший судовой радист. Человек поразительной работоспособности и выдающихся лингвистических способностей. Не имея филологического образования, он самостоятельно выучил английский, французский, немецкий и испанский языки, да так хорошо, что, когда в ОНТИ пришла работать молодая испанистка с университетским образованием, то она постоянно консультировалась у Георгия Михайловича не только по терминологии, что было вполне естественно, но часто просила помочь перевести целые абзацы. И я не помню случая, чтобы Георгий Михайлович отвечал, что он не знает или что он забыл. А ведь справиться было негде, кроме не очень большого общего испанско-русского словаря, так как не только морского, но даже политехнического испанско-русского словаря еще не существовало. Сидя в углу у окна, Георгий Михайлович постоянно стучал на своем стареньком трофейном «Рейнметалле» еще тогда, когда все остальные переводчики выполняли переводы только от руки. Хорошо помню одно из производственных собраний по итогам года, когда с изумлением узнал, что Георгий Михайлович потихоньку «настучал» 350, т. е. «всего-то» по 2, 5 реферата в день. Для молодежи, которая в день едва-едва успевала сделать один реферат, а зачастую «корпела» над ним полтора, два и даже три дня, такая производительность казалась просто фантастической. А ведь при этом Георгий Михайлович очень много времени уделял молодежи. В 1978 г. М.М. Сехович уже ушел на пенсию, и я со своими вопросами обращался чаще всего к Георгию Михайловичу, и хотя норвежского языка Георгий Михайлович не знал, он всегда мог ответить на мои вопросы не только по терминологии,

но и по «отысканию убежавшего по дороге смысла» целых фраз.

Помню, как однажды для того чтобы найти правильный перевод одного термина (речь в статье шла о насосах), он достал толковый политехнический словарь, прочел все статьи о насосах, буквально разобрал в уме весь насос на детали и нашел нужный термин. И при этом ни тени высокомерия, снисхождения. Любил и ценил острое словцо, но никогда оно не бывало обидным! Но сколько бы времени молодежь не отнимала у Георгия Михайловича, свое дело он делал прежде всего, поэтому, когда наши пристаивания становились очень уж длительными, он выделял нам час-полтора обычно во второй половине дня, когда свою дневную «норму» уже выполнил. А еще Георгий Михайлович с любовью «растил и пестовал» свое любимое дитя — «Многоязычный словарь морских сокращений», постоянно пополняя и уточняя его. Потому, наверное, и получилось, что составленный более четверти века назад, еще в прошлом тысячелетии, словарь не утратил своей актуальности. Да, у таких учителей грех было не научиться!

Лев Павлович Войтас пришел в институт в 1977 г. Высокий, полный, очень шумный, общительный и добродушный «новичок», «немец» да еще с «золотыми руками», который умел и любил чинить буквально все, быстро прижился в отделе. К этому времени Лев Павлович был уже очень опытным, квалифицированным переводчиком, хотя и не был знаком с судовой и вообще с морской тематикой. Очень быстро освоив новую для себя терминологию, он через полгода начал переводить уже «на язык», благо работы в отделе хватало. Лев Павлович был истинным профессионалом и даже свое свободное время посвящал переводческому делу. Его часто привлекали для работы в Торговой палате. Охотнее всего он брался за электротехнику, электронику, радиодело, металлообработку, монтаж и ремонт оборудования, переработку пластмасс. К тому времени, когда я познакомился со Львом Павловичем, его ежедневная норма была 12–13 страниц «с языка» или 5–6 страниц «на язык», а через несколько лет он достиг фантастического уровня: лист в день «с языка» и пол-листа в день «на язык». И в таком темпе Лев Павлович работал несколько лет. Учить Лев Павлович не умел и не любил, он любил отвечать на конкретные вопросы, как он говорил, «решать конкретные задачки». И это быстро, с ходу и всегда мастерски. Лев Павлович часто приглашал к себе домой на свой «шефский час». «Подсказками», находками Льва Павловича я с успехом поль-

зуюсь и по сей день и всегда поминаю его добрым словом.

К великому сожалению, все эти прекрасные люди уже ушли из жизни, но я уверен, что не я один с глубокой благодарностью вспоминаю их.

Хочется воспользоваться случаем и пожелать здоровья и долгих творческих лет замечательному человеку и наставнику многих переводчиков ОНТИ: Александру Феликсовичу Дашкевичу. Без преувеличения можно сказать, что он олицетворяет собой целую эпоху в истории ОНТИ. Без малого 35 лет проработал он в отделе. Александр Феликсович пришел в отдел уже опытным переводчиком и очень скоро приобрел заслуженный авторитет как у коллег, так и у руководства института. При решении любых переводческих (и не только переводческих) споров и проблем в отделе слово «мэтра» было решающим, а часто и окончательным. Александр Феликсович владел английским и японским языками, прекрасно знал и немецкий. В 70-е годы, когда на пенсию ушли представители старшего поколения переводчиков, Александр Феликсович стал единственным наставником молодежи. Именно под его опекой специалистами высокой квалификации стали Л.А. Воронцова, И.В. Сизова, Е.В. Дегтярева, М.В. Тарасов, Т.Г. Амосова, Т.Г. Ковригина.

В 1978–1979 гг. все «англичане» отдела под руководством Александра Феликсовича приняли участие в переводе Торремолинской международной конвенции по безопасности промысловых судов.

Об уровне квалификации Александра Феликсовича очень красноречиво свидетельствует такой факт. Как-то руководству понадобилось срочно перевести с английского языка большой и важный документ. Срок, как всегда, — вчера. И Александр Феликсович за день надиктовал с листа 35 страниц!

Из переводческих «уроков» Александра Феликсовича мне более других запомнился и понравился его совет «перевернуть» фразу, когда она не получается. И фраза действительно «оживала».

Нельзя не сказать и о том, что Александр Феликсович принимал близко к сердцу судьбу своих воспитанников и при необходимости защищал их от начальства не без риска для себя. Обратившись к нему, всегда можно рассчитывать на то, что тебя внимательно выслушают и дадут единственно верный в самой сложной ситуации совет. Впрочем, просто советами Александр Феликсович ограничивается редко, а всегда стремится помочь делом, не жалея своего времени.